

КМЗММ

ГРАФА: НЕДОСТУПНЫ.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

КЕОГЛЕБНИЕ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ

ПОЛИТИКА

ПОЛИТИКА

ПОЛИТИКА

RINA LILY

Rina Lily

Графа: Данные недоступны

«Автор»

2026

Lily R.

Графа: Данные недоступны / R. Lily — «Автор», 2026

«Графа: Данные недоступны» — мрачный нуар-детектив о городе, где реальность стала расходным материалом. Игорь вскрывает механизм «слепых зон»: участки, где камеры транслируют тишину, а отчёты стирают преступления. Утечка данных запускает цепную реакцию — улики исчезают, свидетели меняют показания, система подменяет факты, оставляя лишь удобные формулировки. Союзница Алёна передаёт ему последние доказательства, но её спешно «переводят» из города — это выглядит как зачистка. Получив анонимное сообщение «Это только начало» и карту новых слепых секторов, Игорь понимает: враг не прячется — он демонстрирует контроль. Город видит лишь верхушку, а система уже пишет свою версию истории, превращая правду в слухи. Борьба Игоря перестаёт быть поиском справедливости — она становится попыткой сохранить право людей видеть реальность. Финал не ставит точку: герой берёт папку с данными и решает копать дальше, ведь теперь он знает — враг не один, он встроен в саму систему.

© Lily R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Утро после».	5
Глава 2. «Аноним»	7
Глава 3. «Новое убийство»	9
Глава 4. «Пропавшее окно»	11
Глава 5. «Старый коллега»	13
Глава 6. «Первая ниточка»	15
Глава 7. «Вызов»	17
Глава 8. «Решение»	19
Глава 9. «Тень в архиве»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Rina Lily

Графа: Данные недоступны

Глава 1. «Утро после».

Игорь вошёл в отдел в тот час, когда город ещё не проснулся, а здание уже будто умерло. Коридоры были пусты, но не по-утреннему — по-вымершему. Свет горел тускло, ровно, без перебоев, но от этой стерильной ровности становилось не по себе: лампы не мигали, не гудели, они просто давили. Как в морге, где тишина не покой, а ожидание.

Он остановился у двери своего кабинета и на секунду замер, прислушиваясь. Ни голосов, ни стука клавиш, ни даже шуршания бумаг. Только далёкий гул вентиляции, похожий на дыхание спящего зверя.

Ручка поддавалась легко, без скрипа. Игорь шагнул внутрь.

Кабинет выглядел не просто пустым — вычищенным. На столе лежала одна-единственная вещь: тонкая папка с аккуратной наклейкой «Закрыто». Больше ничего. Ни стопки распечаток, ни стопки черновиков, ни даже забытой кружки. Даже календарь с прошлого месяца исчез. Будто кто-то взял и стёр его рабочее место ластиком.

Игорь провёл пальцем по обложке папки. Бумага была гладкой, почти глянцевой — не из тех, что выдают в архиве. Такие используют для срочных закрытых дел, когда нужно, чтобы всё выглядело опрятно и окончательно.

«Окончательно» — слово, которое ему не нравилось.

Он открыл папку. Внутри было пусто. Не «почти пусто», а абсолютно: ни копии протокола, ни фототаблицы, ни даже черновика рапорта. Только чистый лист, сложенный вдвое.

В этот момент дверь приоткрылась, и в проёме появился начальник. Не тот, кто кричит и стучит кулаком, а тот, кто говорит ровно, спокойно, и от этого страшнее.

— Ты рано, — сказал он, будто констатируя факт, а не приветствуя. — Или поздно. Смотря как считать.

Игорь закрыл папку и положил её на край стола.

— Я пришёл сдать материалы, — произнёс он, хотя материалов у него не было. — И получить новое задание.

Начальник вошёл, но не сел. Он остался стоять у двери, как будто готовый в любой момент выйти.

— Материалы уже сданы, — спокойно сказал он. — Дело закрыто. Ты сделал свою часть. Дальше без тебя.

Фраза прозвучала не как похвала и не как упрёк. Как приговор, произнесённый без эмоций.

— Закрыто кем? — спросил Игорь. — По какому основанию?

Начальник чуть наклонил голову, будто услышал странный вопрос.

— По основанию, что оно закрыто, — ответил он. — Тебе не нужно знать детали. Ты выполнил задачу. Теперь у нас другие приоритеты.

Игорь кивнул, но не потому, что согласился. Просто нужно было что-то сделать с руками, с лицом, с этим напряжением, которое уже начинало давить на виски.

— Тогда верните хотя бы черновики, — сказал он. — Там мои пометки.

— Их нет, — так же ровно ответил начальник. — Всё передано в центральный архив. Доступ закрыт.

И тут Игорь заметил то, от чего у него внутри всё сжалось. На папке «Закрыто» не было номера дела. Ни регистрационного, ни внутреннего, ни даже временного. Просто надпись.

Это было нарушением. Грубым, бросающимся в глаза нарушением. Дела не закрывают без номера. Дела вообще не закрывают вот так — одной наклейкой.

— Без номера? — переспросил Игорь, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Это ошибка?

— Это не твоя забота, — ответил начальник, и впервые в его голосе проскользнуло что-то похожее на раздражение. — Твоя забота — не мешать.

Слово «мешать» повисло в воздухе, как запах озона перед грозой.

Начальник сделал шаг к выходу, но задержался в дверях.

— Ты хороший следователь, Игорь, — добавил он уже мягче, почти по-отечески. — Но иногда лучшее, что можно сделать, — это отойти в сторону.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок. Не громко, но чётко.

Игорь остался один.

Он сел на свой стул, который ещё хранил тепло вчерашнего дня, и медленно, будто боясь спугнуть тишину, выдвинул ящик стола. Тот открылся с лёгким скрипом, как будто его давно не трогали.

Внутри лежал его старый блокнот. Тот самый, с пометками, схемами и стрелками, который он точно сдавал в материалы дела. Его не просто не приняли — его вернули. И не оставили на столе, а спрятали в ящик.

Игорь взял блокнот. Обложка была чуть помята, уголки потрёпаны, но страницы были на месте. Он открыл его на случайной странице. Там была его собственная запись, сделанная торопливым почерком: «Шов не заводской. Нить не та». Рядом — стрелка, ведущая к фото, которого в папке не было.

Кто-то вернул блокнот не как помощь. Это было предупреждение. Или приманка.

Игорь провёл ладонью по обложке, чувствуя шершавую текстуру. И в этот момент он понял: дело не просто закрыто. Его прячут. И тот, кто это делает, хочет, чтобы Игорь знал, что он всё видит.

За окном город начал просыпаться. Первые машины зашуршали шинами по мокрому асфальту, вдалеке загудел трамвай. Но в кабинете было по-прежнему тихо. Слишком тихо.

Игорь положил блокнот перед собой, открыл чистую страницу и вывел крупно, чёрным стержнем: «КТО ЭТО ДЕЛАЕТ?»

Под вопросом он поставил три точки. Не потому, что не знал, что написать дальше. А потому, что знал: ответ будет стоить ему слишком дорого.

Глава 2. «Аноним»

Игорь вышел из здания управления, и город будто навалился на него всей своей тяжестью. Воздух был сырым и тяжёлым, пах мокрым бетоном и дешёвым кофе из ларька напротив. Он шёл, не выбирая маршрута, просто чтобы уйти подальше от этого стерильного света, от этой вежливой угрозы в голосе начальника. Пальцы всё ещё помнили шершавую обложку блокнота, а в голове крутилось: «Дело не закрыто — его прячут».

Он достал телефон. Экран привычно мигнул, высветив десяток уведомлений — спам, рассылки, рабочие чаты, которые теперь ему читать не полагалось. Игорь уже хотел заблокировать экран, когда заметил одно сообщение — без имени отправителя, без аватарки. Просто строка: «Ты не всё увидел».

Внутри что-то дёрнулось, как оголённый провод. Не угроза, не шутка. Слишком коротко. Слишком точно.

Под текстом висел короткий видеофрагмент. Игорь коснулся воспроизведения.

На записи был знакомый сектор — тот самый, где нашли тело первой жертвы. Кадры шли ровно, без помех, камеры писали чётко: пустая улица, редкие прохожие, тени от фонарей. И вдруг — резкий, почти незаметный сдвиг: нужный сегмент затемнился. Не сбой, не пересвет, не ошибка матрицы. Это было похоже на команду: кто-то целенаправленно «выключил» кусок картинки.

Игорь замер, всматриваясь в каждый пиксель. Он знал эту камеру наизусть: она не имела функции ручного затемнения. Её можно было только выключить целиком или перевести в ночной режим. А здесь кто-то точно вырезал фрагмент.

Он запустил видео ещё раз. И только на третьем просмотре услышал это — слабое, едва уловимое эхо шагов на фоне. В записи с уличной камеры не должно быть слышно шагов. Микрофон ловил только гул ветра, шум машин, иногда голос прохожего. Но здесь, в тишине затемнённого кадра, отчётливо прозвучало: *тук-тук-тук* — будто кто-то стоял совсем рядом с камерой и переминался с ноги на ногу.

Значит, в момент затемнения рядом с камерой был человек. И он знал, что запись ведётся.

Игорь открыл свойства файла. Метаданные были минимальны: время, размер, формат. Ни устройства, ни геолокации. Он попытался отследить источник сообщения — но цепочка обрывалась на городском хабе видеонаблюдения. Доступ к нему имели единицы: старшие офицеры службы безопасности, дежурные технари архива и... кураторы специальных проектов. Те самые, чьих фамилий не было в общедоступных списках.

Он набрал знакомый номер — технаря из архива, который когда-то помогал ему с логированием камер. Гудок шёл и шёл, пока не переключился на автоответчик. Игорь не стал оставлять сообщение.

— Чёрт, — прошептал он, глядя на экран, будто тот мог дать ему ответ.

В этот момент телефон завибрировал снова. На этот раз пришло короткое уведомление от внутренней системы: его временный пропуск в здание заблокирован. Срок действия — до конца дня. После этого даже в вестибюль не пустят.

Игорь сунул телефон в карман, чувствуя, как холод пробирается под воротник. Этот холод он уже знал. Тот самый, что появлялся каждый раз, когда он подбирался слишком близко к чему-то, чего видеть не должен.

Он огляделся. Улица была обычной: женщина с коляской, парень в наушниках, курьер, листающий навигатор. Никто не смотрел на него. Никто не следил. Или следили так хорошо, что он этого не замечал.

И тут его накрыло не страхом — оцепенением. Ему не просто показали улику. Её *дали*. Кто-то знал, что Игорь будет искать, и подсунул ему именно это. Вопрос был уже не в том, кто убийца. Вопрос был в том, *кому нужно, чтобы Игорь это увидел*.

Он вытащил блокнот, открыл чистую страницу и вывел крупно: «КТО ЭТО ДЕЛАЕТ?». Под вопросом поставил три точки. На этот раз не из осторожности. Из злости.

Потом он сделал то, что умел лучше всего: начал раскладывать варианты.

Вариант первый: кто-то из системы хочет подставить Игоря. Даёт ему «доказательство», которое нельзя проверить, чтобы он полез туда, где его поймают. *Вариант второй:* кто-то пытается помочь, но боится действовать открыто. Аноним, который знает больше, чем может сказать. *Вариант третий:* это ловушка. Его намеренно ведут по следу, чтобы отвлечь от чего-то большего.

Третий вариант нравился ему меньше всего. Потому что он звучал слишком правдоподобно.

Игорь снова открыл видео. На этот раз он смотрел не на затемнение, а на фон. На отражения в витринах, на тени, на то, как падает свет. И в одном из отражений, на долю секунды, мелькнуло что-то странное — не лицо, не фигура, а контур: человек в куртке с высоким воротником, стоящий слишком ровно, будто позируя.

Или будто зная, что его снимают.

Телефон снова завибрировал. На этот раз это был не аноним. Это была знакомая — та самая бывшая сотрудница ИТ-отдела, с которой он едва перекинулся парой слов на корпоративе. Сообщение было коротким: «Если ты ещё копаешь — будь осторожен. Архив не стирает сам себя».

Игорь замер. Он не писал ей. Не просил помощи. Откуда она знала, что он снова лезет в это? Он не ответил. Вместо этого он убрал телефон, застегнул куртку до самого верха, чтобы спрятать этот проклятый холод, и пошёл туда, где камеры не доставали, — в старые подземные переходы, туда, где начинались «слепые зоны».

Глава 3. «Новое убийство»

Район считался «чистым» — и в этом была его главная ложь. Здесь фонари горели ровно, камеры смотрели строго, патрули ходили по расписанию, а статистика преступности улыбалась нулями. Сюда привозили новичков на стажировку, чтобы показать, «как должно быть». Сюда возили проверяющих, чтобы те уезжали довольными.

Именно здесь нашли тело.

Игорь узнал об этом не из служебной рассылки — ему пришло сообщение от старого патрульного, с которым они когда-то вместе вытаскивали свидетеля из подворотни: «Ты ещё интересуешься? Тут такое... как в твоём деле. Только хуже».

К тому моменту, когда Игорь добрался до места, район уже гудел, как потревоженный улей. Оцепление стояло плотное, лишнее любопытство отсекали на дальних подступах. Но Игоря пропустили — формально потому, что он ещё числился в штате, пусть и с заблокированным пропуском. На деле — потому что кто-то хотел, чтобы он это увидел.

Он остановился у жёлтой ленты, вдохнул этот знакомый запах места преступления: сырость, металл, дешёвый одеколон, которым кто-то пытался заглушить запах смерти. И поверх всего этого — стерильный запах «чистого» района, будто его только что вымыли хлоркой.

Тело лежало под навесом автобусной остановки, почти аккуратно, будто человек просто присел и не смог встать. Лицо было скрыто капюшоном, руки сложены так, что напоминали позу спящего, но Игорь знал: никто не засыпает в такой позе. Это была постановка.

Старший следователь, которого Игорь едва знал, подошёл к нему сбоку, не глядя в глаза.

— Ты здесь по ошибке, — сказал он сухо. — Или по чьему-то разрешению. В любом случае, не мешай.

— Я не мешаю, — ответил Игорь. — Я смотрю.

Следователь хмыкнул, будто услышал что-то смешное.

— Смотри, — бросил он. — Только не трогай.

Игорь не собирался трогать. Ему хватало глаз.

Он опустился на корточки у края ленты, стараясь не пересекать границу, и начал с главного — с куртки. Та же модель, тот же фасон, что и у первой жертвы. И тот же фигурный шов на плече — мелкая, почти незаметная деталь, которую обычный человек не увидит, а убийца зачем-то повторил.

Но нить была другой. Не той же самой, не похожей, а намеренно другой — более тёмной, с лёгким фиолетовым отливом, будто её подобрали, чтобы отличаться.

Это ломало старую версию. Если бы это было подражание, нить была бы такой же или хотя бы похожей. Если бы это была случайность — шов вообще мог отсутствовать. Но это была «подпись», которую кто-то намеренно менял. Как будто убийца говорил: «Я знаю, что ты ищешь этот шов. Смотри внимательнее — я делаю его иначе».

Игорь скользнул взглядом ниже. Рядом с телом, почти спрятанная в тени скамейки, лежала пустая гильза. Он не стал тянуться, чтобы не нарушить место происшествия, но угол, под которым она лежала, и характерный блеск металла сказали ему всё. Это был патрон, которого не бывает в табельном оружии полиции. Не стандартный калибр, не служебный тип. Что-то, что используют вне системы.

И тут Игорь понял: убийца не просто повторял первое дело. Он исправлял ошибки. Он знал, что Игорь ищет шов, и менял его. Он знал, что в «чистом» районе камеры работают идеально, и всё равно пришёл сюда — потому что был уверен, что нужный фрагмент исчезнет. Он знал правила игры лучше Игоря и играл по своим.

В этот момент к нему подошёл тот самый патрульный, который прислал сообщение. Он выглядел уставшим, будто не спал сутки.

— Ну что, похоже? — спросил он тихо, оглядываясь, не слушает ли кто.

— Похоже, — ответил Игорь, не отрывая взгляда от шва. — Но не так.

Патрульный кивнул, будто этого и ждал.

— Тут ещё кое-что, — прошептал он. — Пока начальство не видит. Смотри под скамейку.

Игорь наклонился чуть сильнее. В тени, почти невидимая, лежала маленькая вещь — обрывок бумаги, сложенный вчетверо. На нём не было ни слов, ни символов, только один отпечаток пальца, будто кто-то держал его слишком крепко.

— Нашли при осмотре, — сказал патрульный. — Но в протокол не внесли. Сказали, «не относится».

Игорь сжал зубы. «Не относится» — это слово теперь звучало как пароль.

— Кто сказал? — спросил он, не глядя на патрульного.

Тот пожал плечами.

— Тот, кто решает, что относится, а что нет.

Игорь выпрямился, чувствуя, как холод снова подбирается к воротнику. На этот раз он не пытался его стряхнуть. Он уже знал: этот холод — не погода. Это предупреждение.

Он достал блокнот и записал три строки:

1. Шов есть, но нить другая — это подпись с изменением.

2. Гильза не табельная — значит, убийца вне системы или имеет доступ к другому оружию.

3. Обрывок бумаги не в протоколе — кто-то скрывает улику.

Под этим он вывел крупно: «ОН ЗНАЕТ, ЧТО Я ИЩУ».

И только потом поднял голову и посмотрел на камеры. Они висели над остановкой, аккуратные, блестящие, идеальные. Все три объектива смотрели прямо на место преступления. И всё же кто-то знал, что нужный фрагмент исчезнет.

Рядом с одной из камер, на кронштейне, Игорь заметил крошечную царапину — свежую, будто кто-то цеплялся за крепление. Он сфотографировал её на телефон, стараясь, чтобы это выглядело как случайный кадр.

Когда он обернулся, патрульного уже не было. Только старший следователь смотрел на него с нескрываемым раздражением.

— Ты закончил? — спросил он. — Или будешь ещё «смотреть»?

— Закончил, — ответил Игорь и отошёл от ленты.

Но он не закончил. Он только начал понимать.

Убийца не пытался спрятаться. Он играл. И правила этой игры менялись каждый раз, стоило Игорю найти хоть одну зацепку.

Глава 4. «Пропавшее окно»

Игорь не пошёл в отдел. После сцены у ленты оцепления он чувствовал: если он снова появится в здании, его просто выведут под предлогом «не мешай». Вместо этого он свернул в полуподвальное кафе на соседней улице — грязноватое, с облезлой вывеской и запахом подгоревшего масла, зато с единственным столиком в углу, откуда не видно улицу. Там он достал ноутбук, открыл служебный интерфейс видеонаблюдения и начал делать то, что умел лучше всего: смотреть, как исчезает время. Он выбрал камеру над автобусной остановкой — ту самую, что смотрела прямо на тело. Поставил таймкод за десять минут до обнаружения. Запустил воспроизведение. Картинка шла ровно: редкие прохожие, мокрый асфальт, блики фонарей. Всё как положено. Игорь продвинулся вперёд по временной шкале — на пять минут, на десять. И вдруг — провал. Не зависание, не рябь, не «битый» кадр. Просто чёрная полоса длиной ровно в три минуты. А потом картинка возвращалась, будто ничего не случилось. Он проверил соседние камеры. У второй — тот же провал, но смещённый на сорок секунд. У третьей — ещё один разрыв, перекрывающий стыки. Кто-то вырезал не просто фрагмент, а «окно», которое нельзя было восстановить ни по одной камере в отдельности. Игорь стиснул зубы. Это не сбой. Сбои выглядят иначе: артефакты, рассыпание пикселей, скачки таймкода. Здесь была работа человека — чистая, аккуратная, профессиональная. Он перешёл во вкладку логов. Интерфейс был сухим и безликим: строки с действиями, идентификаторами пользователей, временными метками. Он искал то, что не должно было существовать: команду на удаление фрагмента архива. И нашёл. Строка была короткой и убийственно точной: ACTION: DELETE_SEGMENT CAMERA_ID: AVTO_STOP_03 TIME_RANGE: 08:17:12–08:20:12 TERMINAL_ID: ARCHIVE_HUB_14 USER: [REDACTED] TIMESTAMP: 08:34:29 Время удаления — 08:34:29. Тело официально обнаружили в 08:17. То есть фрагмент вырезали через семнадцать минут после того, как тело нашли. Слишком быстро для «ошибки». Слишком точно для случайности. Кто-то знал о теле раньше официального сообщения. Или знал, что оно будет там. Игорь щёлкнул по TERMINAL_ID. ARCHIVE_HUB_14 — это служебный терминал в центральном архиве. Доступ к нему имели единицы: старшие офицеры службы безопасности, дежурные технари и кураторы специальных проектов. Те самые, чьи фамилии не светились в общих списках. Он попытался раскрыть поле USER. Система выдала: [REDACTED]. Игорь выругался тихо, чтобы не привлекать внимания официантки, которая косилась на него из-за стойки. Тогда он пошёл другим путём. Он выгрузил цепочку сессий терминала за этот час. Там было три входа. Первый — ночной дежурный, его сессия длилась сорок минут и не касалась камер. Второй — техник архива, который чинил индексацию. Третий — сессия без имени. Просто ID, привязанный к терминалу, и время, совпадающее с удалением. Это не был сбой системы. Это была ручная операция, выполненная кем-то, кто знал, как спрятать следы. Игорь откинулся на спинку стула. В кафе было душно, пахло старым жиром и дешёвым кофе, но он почти не замечал этого. Его мысли шли по кругу, как лента камеры: кто-то знал. Кто-то управлял. Кто-то убирал улики раньше, чем их успевали зафиксировать. Он открыл блокнот и вывел крупно: «КТО ЗНАЛ РАНЬШЕ?» Под этим написал: — Патруль не мог обнаружить тело в 08:17 и успеть вырезать фрагмент к 08:34. — Значит, информация пошла сверху. — Или тело подбросили туда, где его ждали. Последняя мысль кольнула особенно больно. В этот момент телефон тихо звякнул. Пришло сообщение от той самой ИТ-специалистки, бывшей сотрудницы архива: «Не ищи в логах. Они чистят не только видео. Смотри на маршруты». Игорь замер. Он не писал ей. Не просил помощи. Откуда она знала, что он сейчас смотрит на эти логи? Он не ответил. Вместо этого он закрыл ноутбук, сунул его в сумку и вышел на улицу. Дождь начался внезапно, будто город решил смыть с себя всё лишнее. Капли били по плечам, стекали по воротнику, но холод, который он чувствовал, был не от воды. На

противоположной стороне улицы стояла неприметная машина. Не патрульная, не служебная. Обычная, серая, с тонированными стёклами. Игорь не мог разглядеть водителя. Но он знал: его видят. Он свернул в переулок — туда, где камеры не доставали. Туда, где начинались «слепые зоны». И пока он шёл, в голове у него складывалась новая версия, страшнее прежней: убийца — не единственный игрок. Он — только рука. А кто-то другой нажимает на кнопку.

Глава 5. «Старый коллега»

Бар назывался «Перекры́сток» — название звучало нейтрально, почти скучно, будто специально, чтобы не привлекать внимания. Игорь бывал здесь и раньше: сюда заходили после смен, чтобы сбросить напряжение, не поднимая голоса. Сейчас, в середине дня, тут было почти пусто. Только пара завсегдатаев у стойки, да бармен, который протирал один и тот же стакан так долго, словно пытался стереть с него чью-то память. Игорь заметил бывшего напарника сразу. Тот сидел в дальнем углу, у стены, где свет от лампы едва доставал до стола. Он не поднял головы, пока Игорь не подошёл вплотную и не сел напротив. Только тогда он чуть приподнял взгляд, скользнул им по лицу Игоря, потом — по проходу за его спиной, будто проверяя, не пришёл ли кто следом. — Ты с ума сошёл, — прошептал он, не разжимая губ почти. — В отделе тебя уже вычеркнули. А ты идёшь по улице, как будто ничего не случилось. — Почти ничего, — ответил Игорь, стараясь говорить ровно, без вызова. — Только одно дело никак не закрывается. Напарник хмыкнул, но в этом звуке не было веселья. — Оно и не должно закрываться, — сказал он. — Его закрывают другие. Игорь наклонился ближе. В полутьме черты лица напарника казались резче, будто годы службы вырезали их глубже. — Мне нужно понять, как убирают фрагменты из архива, — сказал Игорь. — Не сбой. Ручное удаление. Я видел логи: сегмент стёрли через семнадцать минут после обнаружения тела. Кто-то знал раньше. Напарник медленно покачал головой, не отводя взгляда. — Не спрашивай меня об этом, — произнёс он тихо. — Или спрашивай, но знай: я не смогу дать тебе имена. — Мне не нужны имена, — сказал Игорь. — Мне нужна механика. Как это делают. Напарник помолчал. Потом наклонился вперёд, так, что между их лицами осталось не больше полуметра, и заговорил ещё тише: — Есть «окна тишины». Так мы их называли между собой. Это сегменты видео, которые можно вырезать и заменить без следа. Не просто удалить — именно заменить. Система подтягивает другой кусок, будто ничего и не было. Делается через специальные терминалы в архиве. Доступ — у единиц. — Кто эти единицы? Напарник снова оглянулся. Не резко, не дёргано — привычно, как человек, который давно живёт с ощущением, что за ним наблюдают. — Те, кто не числится в штатном расписании, — ответил он. — Отдел, о котором не говорят. У них свои протоколы, свои серверы, свои правила. Они не подчиняются напрямую ни следственному, ни патрульному управлению. Они «обеспечивают целостность данных». Игорь сжал пальцы в кулак под столом. — То есть они решают, что мы должны видеть, а что — нет. — Они решают, что город должен видеть, — поправил напарник. — А мы — так, детали. — И эти «окна» можно использовать, чтобы спрятать убийство? — Можно, — кивнул напарник. — И не только убийство. Можно спрятать маршрут, можно спрятать лицо, можно спрятать приказ. Главное — знать, где и когда. А они знают. Игорь достал блокнот, открыл чистую страницу. — Напиши мне схему, — попросил он. — Хотя в общих чертах. Напарник посмотрел на блокнот, потом снова на Игоря. В его взгляде было не раздражение — усталость. Та самая, которая приходит, когда ты слишком много раз пытался что-то исправить и слишком много раз видел, как всё возвращается на круги своя. — Я не буду ничего писать, — сказал он спокойно. — Потому что если у тебя найдут эту схему, ты не сможешь сказать, что это твои мысли. Ты не сможешь сказать, что ты сам до этого додумался. — Тогда скажи словами. — Слушай, — напарник чуть подался вперёд, и голос его стал почти беззвучным. — Есть маршруты, которые не фиксируются. Старые лекторы, технические тоннели, зоны вне покрытия камер. Их не убирают из карт — их просто не учитывают в отчётах. И есть люди, которые знают эти маршруты. Они ходят там, где нас нет. И делают то, что нам нельзя. Он сделал паузу, будто прислушиваясь к чему-то, чего Игорь не слышал. — А теперь послушай меня, — продолжил он, и в его голосе не было угрозы, только тяжесть. — Остановись. Не потому что я боюсь. Я уже видел, чем это заканчивается. Один хороший парень начал копать. Через месяц его перевели туда, где нет ни дел, ни расследований,

ни смысла. Ещё через полгода он перестал узнавать знакомых. А ещё через год его не стало. Не в отчётах, не в сводках — просто не стало. Игорь не отвёл взгляда. — Это угроза? — Это факт, — сказал напарник. — Я не хочу, чтобы ты стал следующим фактом. В этот момент дверь бара открылась, и внутрь ворвался поток уличного света, на секунду ослепив обоих. Напарник вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Он посмотрел на Игоря так, будто пытался запомнить его лицо. — Иди домой, — сказал он чуть громче, но всё ещё шёпотом. — Притворись, что ты сдался. Пусть они думают, что ты перестал копать. Это единственный способ выиграть немного времени. — У меня нет времени, — ответил Игорь. — Тело нашли в «чистом» районе. Шов на куртке тот же, но нить другая. Гильза — не табельная. Кто-то играет со мной. И я должен понять правила этой игры, пока не стал следующей фигурой, которую просто уберут с доски. Напарник закрыл глаза на секунду, будто пытаясь спрятаться от этих слов. Когда он открыл их, в них была не злость — боль. — Тогда хотя бы не делай этого в одиночку, — сказал он. — Если ты правда не можешь остановиться, найди того, кто знает систему изнутри. Не из управления. Из архива. Из тех, кого уже выкинули за «лишние вопросы». Они видят дыры, потому что их через эти дыры и вытолкнули. Игорь кивнул. Он знал, кого имеет в виду напарник. Бывшая сотрудница ИТотдела. Та, что прислала ему сообщение. — Спасибо, — сказал он просто. — Не благодари, — ответил напарник. — Просто помни: если ты продолжишь, я не смогу тебе помочь. И не потому что не захочу. Потому что меня не будет рядом. Они посидели ещё минуту в тишине, которая была тяжелее любых слов. Потом Игорь встал, не спеша, чтобы не выглядеть так, будто убегает. Он прошёл к выходу, чувствуя на себе взгляд напарника до самого порога. Когда он вышел на улицу, дождь уже закончился, но воздух был тяжёлым, будто пропитанным влагой и чужими секретами. Он достал блокнот и записал: 1. «Окна тишины» — сегменты, которые вырезают и заменяют. 2. Доступ — через спецтерминалы. Доступ есть у «отдела без названия». 3. Маршруты вне покрытия — старые тоннели, коллекторы. Их не учитывают в отчётах. 4. Совет напарника: искать тех, кого выкинули за «лишние вопросы». Под этим он вывел крупно: «КТО УПРАВЛЯЕТ ИГРОЙ?» И только потом он понял, что напарник не просто предостерегал его. Он давал ему направление. И делал это так, чтобы никто не мог сказать, что он помогал.

Глава 6. «Первая ниточка»

Игорь не стал возвращаться в отдел и даже не пошёл к привычной скамейке у метро, где обычно обдумывал ходы. Вместо этого он достал старую распечатку городской схемы подземных коммуникаций — ту самую, которую когда-то сунул в карман после планерки по антитеррористическим мерам и с тех пор ни разу не доставал. На ней были отмечены только «официальные» тоннели, коллекторы и технические коридоры. Но Игорь знал: на любой такой схеме всегда есть белые пятна. Он двинулся к району, где камеры «чистого» сектора сходились в слепой угол — туда, где фасады домов стояли слишком близко друг к другу, а между ними тянулся узкий проход, который городские службы называли «технологическим разрывом». Там, за ржавой решёткой, начинался спуск в коллектор. Решётка была приоткрыта. Не сорвана, не взломана грубо, а именно приоткрыта — так, будто тот, кто прошёл здесь, не хотел тратить время на шум. Игорь замер на секунду, прислушиваясь. Сверху доносился привычный городской гул: сирена вдалеке, скрип тормозов, чей-то смех. А внизу была тишина — тяжёлая, плотная, будто воздух там был гуще. Он спустился по металлическим скобам, чувствуя, как холод пробирается под куртку. Фонарик на телефоне выхватил из темноты сырые стены, покрытые белёсым налётом, и ржавые трубы, уходившие в темноту. Капли воды падали с потолка, и каждый удар звучал как отдельный шаг. Игорь шёл медленно, стараясь не шуметь, но в этом месте тишина была врагом: любой звук разносился далеко. Он достал схему и при свете экрана попытался сопоставить изгибы коридора с отметками. На бумаге коллектор заканчивался тупиком у старой насосной станции. Но в реальности коридор не обрывался — он поворачивал, уходил вниз, в ещё более тёмную зону. И тут он увидел это. На стене, на уровне груди, были свежие царапины — не случайные, не от времени. Они шли ровно, будто кто-то волок что-то тяжёлое и это что-то цеплялось за выступы. Царапины были свежими: на ржавом металле ещё не успела осесть пыль, а края выглядели острыми, не сглаженными сыростью. Игорь провёл пальцем по одной из борозд. Металл был холодным, но царапины — будто ещё «тёплыми» от недавнего движения. Он посветил дальше и увидел, что следы не обрываются у поворота. Они не ведут к выходу на поверхность. Они уходят глубже — в сеть, которая не значилась ни на одной из его карт. В этот момент он понял: «слепые зоны» не случайны. Это не дыры в покрытии камер — это коридоры. Специально оставленные, специально забытые. Они соединяли места, которые должны были быть изолированы друг от друга. Убийца не просто прятался от камер — он двигался по маршруту, который система не фиксировала. Игорь достал блокнот и записал: 1. Решётка приоткрыта — не взлом, а регулярное использование. 2. Царапины свежие, направление — вглубь, не к выходу. 3. Коридор уходит дальше, чем указано на официальной схеме. 4. Следы указывают на перемещение тяжёлого предмета. Под этим он вывел крупно: «ЭТО НЕ СЛУЧАЙНЫЕ ДЫРЫ — ЭТО МАРШРУТ». Он сделал ещё несколько шагов и остановился у развилки. Один коридор уходил вверх, к люку, который, скорее всего, выходил в заброшенный двор. Другой — вниз, в темноту, где даже свет фонарика не доставал до конца. Следы шли именно туда. Игорь замер, прислушиваясь. Ему показалось, что где-то впереди, очень далеко, раздался тихий металлический звук — будто кто-то задел трубу. Или будто эхо вернулось не так, как должно. Он не пошёл дальше. Не потому что испугался, а потому что понял: если он сейчас свернёт вниз, он станет не охотником, а частью маршрута. А ему нужно было сначала понять, куда этот маршрут ведёт. Он достал телефон и открыл переписку с ИТ-специалисткой. Пальцы замерли над клавиатурой. Он хотел написать: «Я нашёл коридор. Следы ведут глубже. Что это за сеть?» Но потом стёр сообщение. Вместо этого он отправил одно слово: «Коллекторы». Ответ пришёл почти сразу: «Не лезь туда один. Это старые технические тоннели. Их не обслуживают годами. И не потому что забыли. Потому что не хотят, чтобы кто-то знал, что они всё ещё связаны». Игорь сунул телефон в карман. Теперь он понимал, что имел в виду напар-

ник, когда говорил про тех, кого выкинули за «лишние вопросы». Они знали про эти коридоры не из отчётов — они находили их, когда пытались понять, почему улики исчезают, а маршруты не сходятся. Он ещё раз посветил на царапины. В свете фонарика они выглядели почти как надпись — грубая, но чёткая: «Кто-то здесь был. И он знал, куда идёт». Когда Игорь поднялся наверх, город будто стал другим. Улицы выглядели так же, витрины светились, прохожие шли по своим делам. Но теперь он видел эти улицы иначе — как фасады, за которыми пряталась другая система. Система коридоров, слепых зон и маршрутов, которые не фиксировались ни камерами, ни отчётами. Он остановился на углу, достал блокнот и добавил ещё одну строку: 5. Следы не выводят наружу — они ведут в сеть. Значит, убийца либо знает эту сеть, либо её контролирует. Под всем этим он написал вопрос, который теперь казался самым важным: «КТО ПРОКЛАДЫВАЕТ ЭТИ МАРШРУТЫ?»

Глава 7. «Вызов»

Кабинет начальника всегда казался Игорю слишком большим для одного человека. Стол — широкий, будто рассчитанный на совещание, а не на разговор. Стулья — жёсткие, неудобные, как будто специально, чтобы посетитель не задерживался. Даже воздух здесь был другим: сухим, кондиционированным, без запаха улицы, без запаха сырых коллекторов, без запаха настоящей работы. Сегодня этот кабинет давил особенно сильно. Игорь вошёл, поздоровался коротко, без лишних слов. Начальник не встал, не протянул руку. Он просто кивнул на стул напротив, будто разрешал сесть, а не приглашал. — Садись, — сказал он спокойно, почти дружелюбно. — У нас есть пара минут. Игорь сел. Спина осталась прямой, руки легли на колени, не на стол. Он не хотел выглядеть ни виноватым, ни вызывающим. Он хотел выглядеть так, будто пришёл за разъяснениями. Начальник откинулся на спинку кресла. На его лице не было злости, не было даже раздражения. Только усталость, которую он носил как форму. — Ты хороший следователь, Игорь, — начал он ровно, словно зачитывал пункт из характеристики. — У тебя есть нюх. Ты видишь детали, которые другие пропускают. Это редкость. И это... проблема. Игорь молчал. Он знал, что сейчас не время спорить. Сейчас время слушать. — У нас есть дела, которые нужно закрывать, — продолжил начальник. — Не распутывать, не выворачивать наизнанку, а закрывать. Чтобы статистика была чистой, чтобы отчёты сходились, чтобы сверху не спрашивали лишнего. Твоё дело — как раз из таких. Оно уже закрыто. Официально. Неофициально — мы хотим, чтобы оно осталось закрытым. — Оно не закрыто, — тихо, но твёрдо сказал Игорь. — Оно спрятано. Начальник чуть наклонил голову, будто услышал не возражение, а интересный факт. — Спрятано или закрыто — зависит от точки зрения, — ответил он. — А нам нужна одна точка зрения. Та, которая не создаёт проблем. Он сделал паузу, давая Игорю шанс согласиться. Игорь не согласился. Тогда начальник медленно, будто не спеша, подвинул к себе тонкую папку. Не ту, с наклейкой «Закрыто», а обычную, серую, без опознавательных знаков. И поверх неё положил распечатку. Это была переписка. Не вся, а отдельные фрагменты: его сообщения, ответы бывшего напарника, пару фраз про бар и «старые тоннели». Игорь узнал шрифт своего телефона, узнавал формулировки. Его переписку не просто прочитали — её распечатали, чтобы показать ему. Открыто. Без попытки спрятать. — Мы знаем, где ты был вчера, — сказал начальник, не глядя на бумагу. — Мы знаем, с кем ты говорил. И мы знаем, что ты снова копаешь. В этом «мы» не было угрозы. В нём была констатация факта: за Игорем следят, и делают это так, что он даже не должен пытаться этого не замечать. — Предлагается простой вариант, — продолжил начальник, и голос его стал ещё мягче, будто он предлагал не ультиматум, а помощь. — Ты закрываешь этот вопрос. Переключаешься на текучку: проверки, отчёты, сопровождение. Рутинная, которая никому не мешает. Через пару месяцев всё уляжется. Ты останешься в штате. Сохранишь должность. Может быть, даже получишь повышение — за лояльность и исполнительность. Игорь сжал пальцы в кулаки, но тут же заставил себя расслабить их. Он не хотел, чтобы начальник видел, как сильно его трясёт. — А если я не соглашусь? Начальник наконец посмотрел на него прямо. В его взгляде не было ненависти, не было даже личной неприязни. Только холодная уверенность человека, который знает, как устроена система. — Тогда мы будем вынуждены устранить тебя официально, — сказал он. — По формальным основаниям: нарушение дисциплины, превышение полномочий, игнорирование распоряжений. Ты знаешь, как это делается. Всё будет по правилам. И всё будет против тебя. Он чуть подался вперёд, и в этом движении впервые проскользнуло что-то похожее на сочувствие. — Но это не самое плохое, — добавил он тише. — Самое плохое — это когда последствия выходят за пределы службы. Когда проблемы появляются не только у тебя, но и у тех, кто рядом. У друзей. У семьи. У людей, которые тебе доверяют. Это был не намёк. Это была прямая угроза. И она была не по Игорю — она была по тем, кто мог оказаться рядом

с ним, когда система решит, что он стал слишком неудобным. Игорь почувствовал, как холод поднимается от спины к затылку. Не от слов начальника — от их абсолютной, ледяной ясности. Ему давали понять: он не просто мешает статистике. Он мешает чему-то большему. И система готова защищать это большее любыми способами. — Я не могу закрыть дело, которого не вижу, — сказал Игорь, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Если оно закрыто — покажите материалы. Дайте прочитать заключение. Дайте увидеть, как сошлись концы с концами. Если там всё чисто — я уйду с этим. Но я должен это увидеть. Начальник снова откинулся на спинку кресла. Он помолчал несколько секунд, будто взвешивая, стоит ли продолжать. — Там нет материалов, Игорь, — произнёс он спокойно. — Там есть приказ. И этого достаточно. Игорь встал. Не резко, не демонстративно, а просто потому, что сидеть больше не было смысла. — Значит, я продолжу искать то, что должно быть в материалах, — сказал он, глядя прямо в глаза начальнику. — И я найду это. Начальник не пытался его остановить. Он только кивнул, будто ожидал именно этого ответа. — Тогда ты сам выбрал последствия, — сказал он без эмоций. — Я тебя предупредил. На пороге Игорь задержался. Он хотел сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Вместо этого он просто вышел, прикрыв за собой дверь. Коридор был таким же, как всегда: светлый, чистый, пустой. Но теперь он казался декорацией. Будто весь этот порядок, вся эта стерильность были нужны только для того, чтобы скрывать то, что происходило за кулисами. Он достал блокнот и записал: 1. Дело закрывают не потому, что оно решено, а потому что оно опасно. 2. За ним следят открыто — переписка распечатана, маршруты известны. 3. Угроза не только ему, но и тем, кто рядом. 4. Материалы не существуют — есть только приказ. Под этим он вывел крупно: «ЗНАЧИТ, ОНИ БОЯТСЯ ТОГО, ЧТО Я НАЙДУ». Телефон тихо звякнул. Пришло сообщение от ИТ-специалистки: «Ты ещё на связи? Если да — не иди сегодня домой. Найди нейтральное место. Я кое-что нашла про тоннели. Но говорить нужно не в переписке». Игорь замер, глядя на экран. Слова «не иди домой» ударили сильнее, чем угрозы начальника. Потому что это был не приказ системы. Это был крик человека, который знал, насколько всё серьёзно. Он сунул телефон в карман, огляделся по сторонам и свернул в боковой коридор — туда, где камеры висели под неудачным углом и снимали только потолок. Там, в полутени, он остановился и попытался собрать мысли в кучу. Теперь он понимал: его не просто хотели остановить. Его хотели заставить поверить, что он один. Что никто не поможет, никто не поддержит, а любое его действие будет использовано против него. Но он не был один. И пока у него оставались те, кто предупреждал его, у него оставался шанс.

Глава 8. «Решение»

Ночь легла на город не как тишина, а как пауза — тяжёлая, звенящая, будто перед грозой. Игорь шёл по пустым улицам, и каждый его шаг звучал громче, чем днём. Он не старался ступать бесшумно — в этом не было смысла. Если за ним следили, то уже знали, куда он идёт. Если не следили — значит, он всё ещё был невидимкой. А ему нужно было стать видимым ровно настолько, чтобы успеть сделать главное. Он вошёл в здание через служебный вход — ключ ещё работал, пропуск ещё не аннулировали окончательно. Система моргнула зелёным, щёлкнула замком, и Игорь оказался внутри, в той самой стерильной тишине, которая теперь казалась ему насмешкой. Коридоры были пусты, но не потому, что все разошлись по домам. Они были пусты, потому что их специально расчистили. Кабинет встретил его прежней пустотой. На столе — ничего, кроме пыли, осевшей ровно, как пудра на мёртвом лице. Игорь не стал включать верхний свет. Только тусклый экран ноутбука, только узкий луч фонарика, скользящий по полкам. Он знал, где лежат резервные копии, знал, какие папки обновляются ночью, когда система считает, что никто не смотрит. Он подключил накопитель, открыл терминал, запустил скрипт синхронизации. Строки побежали по экрану — неторопливо, деловито, будто ничего не происходило. Игорь смотрел на них и думал: «Это не воровство. Это спасение улик. Если я не заберу их сейчас, их просто не станет». И в этот момент всё замерло. Не с ошибкой, не с красным окном «сбой». Просто экран застыл. Курсор перестал двигаться. Таймер копирования остановился на 87 %. И так продолжалось ровно двенадцать секунд. Не больше, не меньше. Двенадцать секунд, за которые Игорь успел понять: это не сбой. Это взгляд. Кто-то в другом конце системы заметил движение, перехватил поток, проверил источник. Двенадцать секунд — чтобы принять решение: заблокировать или проследить. Экран ожил. Копирование продолжилось. Но Игорь уже знал: его заметили. Он не стал ждать, пока таймер дойдёт до ста. Вытащил накопитель, закрыл терминал, сунул ноутбук в сумку. И в ту же секунду услышал шаги в коридоре. Они были не торопливыми, не крадущимися. Это были шаги человека, который идёт по своему дому. Уверенные, размеренные, без спешки. Кто-то шёл сюда не для того, чтобы поймать Игоря на месте преступления. Кто-то шёл, чтобы зафиксировать: да, он был здесь. Игорь метнулся к боковому выходу — туда, где камеры висели под неудачным углом, туда, где начинались «слепые зоны». Он выскользнул в тёмный коридор, прижался к стене, задержал дыхание. Шаги приблизились, замедлились у двери его кабинета. Щёлкнул выключатель. Вспыхнул свет — резкий, беспощадный, высветивший каждую пылинку. — Здесь кто-то был, — произнёс голос, спокойный и чужой. — Совсем недавно. — Проверим логи, — отозвался второй голос, чуть менее уверенный. — И датчики движения. Игорь не стал слушать дальше. Он скользнул к аварийному выходу, толкнул дверь, и та открылась с протяжным скрипом, который, казалось, слышали все в радиусе километра. Но он уже бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, чувствуя, как сумка бьёт по бедру, как холодный воздух обжигает лёгкие. Выбравшись на улицу, он не остановился. Не стал оглядываться, не стал проверять, бегут ли за ним. Он просто свернул в переулок, потом в следующий, потом нырнул в арку, где свет фонарей не доставал до асфальта. Там, в темноте, он наконец остановился, прислонился к стене и позволил себе сделать глубокий вдох. Руки дрожали. Не от беготни, не от холода. От понимания. Его время на легальные действия истекло. Он больше не следователь, который расследует дело. Он — утечка. Угроза. Тот, кто знает слишком много и пытается вынести это за пределы системы. Он достал блокнот. Пальцы всё ещё подрагивали, поэтому буквы выходили неровными, угловатыми, будто высеченными: 1. Копии сделаны — но не все. Самые важные — на накопителе. 2. Зависание на 12 секунд — это проверка. Его заметили. 3. Шаги в коридоре — не случайность. Его ждали или хотя бы были готовы. 4. Доступ в здание теперь точно закрыт. Под этим он вывел крупно: «Я СТАЛ УГРОЗОЙ». Телефон тихо звякнул. Сообщение от

ИТспециалистки: «Ты где? Если ты ещё в здании — выходи немедленно. Я вижу активность в твоём секторе. Они подняли ночные патрули». Игорь стиснул телефон в ладони. Он не мог ответить. Не мог сказать, что уже на улице, что дышит, что жив. Потому что любой ответ — это след. Любой сигнал — это маяк. Вместо ответа он убрал телефон, спрятал накопитель во внутренний карман куртки, туда, где его не найдут при беглом досмотре. И пошёл дальше — не домой, не в бар, не к друзьям. Туда, где его не ждали. Туда, где можно было на несколько часов стать просто тенью среди других теней. По дороге он начал понимать одну простую вещь: система не хотела, чтобы он нашёл убийцу. Система хотела, чтобы он перестал искать вообще. Потому что сам поиск был опаснее любого преступления. И теперь, когда он перешёл черту, когда стал частью этой угрозы, у него оставался только один путь — идти до конца. Даже если на финише его никто не будет ждать.

Глава 9. «Тень в архиве»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.